

Столовая Управления военных сражений отличалась строгим и сдержанным стилем. На стенах и каменных колоннах, отливавших мягким белым светом на фоне серого камня, были выгравированы символы различных рас и краткая история развития человечества. В кулуарах поговаривали, что приходить сюда стоит не ради еды, а ради своеобразного предбоевого очищения.

С тех пор как Лин Жань однажды схлестнулся в поединке с Чэн Линчжу, тот намертво вцепился в него, требуя обучить искусству побеждать сильного слабым и доводить эффективность использования вычислительной силы до предела. Когда-то Чэн презирал подобные расчеты и формулы, но теперь... что ж, распробовал.

Лин Жань ежедневно давал ему уроки, а Чэн платил — фактически нанял себе частного репетитора. При этом точность и филигранность расчетов Лин Жаня вызывали у Чэна смешанные чувства: он одновременно восхищался и ненавидел их. Восхищался — потому что это было невероятно круто, а ненавидел — потому что до безумия сложно. Сплошные вычисления! От обилия формул у него голова шла кругом. Но стоило вспомнить, как мастерски Лин Жань вколачивал его в пол, как в Чэне вновь вспыхивала решимость преодолеть любые трудности.

Многие формулы, которыми пользовался Лин Жань, были безнадежно устаревшими — данные тысячелетней давности, к тому же лишённые системности. Однако эффективность их применения была пугающе высокой. Страшно представить, какой дьявольской мощи достигли бы его расчеты, если бы он получил доступ к новейшим теориям и алгоритмам.

Изначально Лин Жань не планировал связываться с этим математическим бездарем, но деньги были нужны — это был маленький шаг к цели в миллиард. Правда, этот шаг быстро превратился в обычные расходы на жизнь, которых едва хватало, чтобы долги не росли. Цзян Юэцзяо действительно предоставила ему полный доступ к своему счету, но он хотел заработать сам. Говорят, в военной симуляционной системе есть много способов подзаработать — вот откроется, тогда и посмотрит. А пока приходилось экономить на оплате репетиторства.

Для Межзвездной человеческой расы, с ее особым способом усвоения питательных веществ, было разработано множество видов искусственной пищи. Самым дешевым был клетчаточный кисель, за ним следовали питательные растворы, а всё остальное стоило недешево. Обычно Лин Жань питался скромно, но сегодня, раз уж пришла Цзян Юэцзяо, он заказал что-то более изысканное.

Цзян Юэцзяо сидела за столом, наблюдая, как он стоит в очереди. Когда он случайно бросал взгляд в ее сторону, она тут же пряталась за чем-нибудь, утыкаясь лицом в сгиб локтя и притворяясь равнодушной.

Он покупает ей еду.

Цзян Юэцзяо даже в мечтах не могла представить такого дня. Она не училась в старших классах, ее самые яркие воспоминания — это скитания и борьба за выживание. Иногда в

руинах ей попадались школьные романы, и, читая о другом, почти сказочном мире, она ловила себя на мечтах.

Светлый кампус, солнечные блики, пробивающиеся сквозь листву, шум голосов и школьный звонок. Где-то на крыше маленького корпуса, увитой глицинией, стоит долговязый юноша в школьной форме. Он смотрит на нее с насмешкой, будто говоря: Ну и откуда взялась эта маленькая дикая кошечка? Она думала, что школьная форма из тех книг обязательно должна быть очень красивой, раз уж она так идет юноше, навсегда оставаясь в сердце светлым, незабвенным образом.

Однажды она проходила мимо школы, разрушенной мутировавшими животными. Дикие травы проросли сквозь стены, превратив кампус в подобие джунглей, а из зарослей то и дело выскакивали гигантские жуки. Парты в классах были разбросаны, повсюду валялись учебники — немые свидетели хаоса и отчаяния в тот день, когда пришла беда. По ночам, под стук дождя о ступени, школа казалась пустой и мертвой. Лишь в комнатах выживших теплился огонек — роскошь, доступная немногим. Тогда она думала, что такая прекрасная жизнь из историй, эти солнечные дни и юноша в школьной форме — не для нее.

— Что случилось?

Увидев возникший перед глазами виртуальный экран, Цзян Юэцзяо моргнула и, отпустив закушенную губу, улыбнулась:

— Ничего, просто очень счастлива.

Счастлива обедать с любимым человеком, разговаривать с ним. Если бы так могло продолжаться вечно, она отдала бы за это что угодно. В ее сердце, словно крошечный росток, с момента их встречи росло чувство, постепенно заполняя собой всё пространство. Она и не заметила, как оно превратилось в огромное дерево, каждая ветвь которого была пропитана удовлетворением.

Лин Жань смотрел на слегка покрасневшие глаза девушки и ее прекрасные, подернутые дымкой зрачки, и его сердце тяжело стукнуло. Он хотел протянуть руку и смахнуть слезы, но, едва шевельнув пальцами, с удивлением понял, что в ее глазах пока нет слез. Но он почему-то не хотел, чтобы она плакала.

Цзян Юэцзяо взглянула на еду на столе и удивилась. Она открыла ему доступ к своему счету, фактически сказав: мои деньги — твои деньги, трать сколько хочешь. Но то, что она видела перед собой, хотя и не было плохим, по меркам Земли напоминало ситуацию, когда человек, владеющий ресурсами целой базы, покупает лишь самую дешевую еду. Она знала, что в их эпоху даже такая еда была счастьем, ведь чаще приходилось питаться прессованными концентратами. Свежая горячая мучная еда была редкостью, которая со временем становилась всё недоступнее.

Она проверила свой счет и обнаружила, что Лин Жань не потратил ни единого кредита. Неумеющий говорить студент, без навыков заработка, кроме внешности, всю жизнь

скитавшийся по полям сражений и бывший рабом... Нет, нельзя об этом думать, иначе снова глаза покраснеют. В общем, откуда у него деньги на повседневные расходы? В Управлении одни мужчины, а те редкие девушки, что там есть, — просто свои в доску. Лин Жань явно не из тех, кто живет за счет внешности, если только...

Лицо Цзян Юэцзяо стало серьезным. Он такой красивый, нужно остерегаться не только девушек, но и парней. Например, этот Чэн Линчжу — слишком уж он напорист, да еще и постоянно обещает заботиться о Лин Жане. Это подозрительно. Она навела справки: если Ло Аньцин — всеобщий любимец и Черный Асура, то Чэн Линчжу — Маленький демон, первый задира. Говорили, что Ло Аньцин, не выдержав полугодовых приставаний Чэна, даже сменил специальность. Она не верила, что такой Маленький демон может искренне заботиться о Лин Жане.

— Ты... откуда у тебя деньги? — спросила она.

Следующая фраза Лин Жаня подтвердила ее опасения.

— От Чэн Линчжу.

Она сжала кулачки. Какая разница, его деньги или мои! Неужели он богаче, чем раса Риста?

Заметив двусмысленность своих слов, Лин Жань на мгновение застыл, а затем пояснил:

— Я даю ему дополнительные уроки, он платит.

О боже! Как же так! В том романе герои тоже постоянно занимались вместе, она — отличница, он — хулиган, и у них завязались отношения! Она даже не просила Лин Жаня заниматься с ней отдельно! Но сказать об этом прямо она не могла, поэтому лишь уклончиво заметила:

— Ты... держись от него подальше...

Лин Жань поднял голову.

— М?

Почему он должен держаться подальше от Чэн Линчжу?

— Ты считаешь его плохим человеком?

Цзян Юэцзяо покачала головой. Как ни объясняй, всё звучит странно. Она сама себя накрутила. Но стоило представить, что это она сидит рядом с Лин Жанем, чувствует его запах, как тогда в каюте, когда их духовные силы слились воедино, а воздух вокруг стал горячим... А он указывает на книгу и спрашивает: А здесь? Не понимаю! Она ничего не понимает! Нужно, чтобы Лин Жань поцеловал ее, тогда...

От этой мысли она страшно завидовала Чэн Линчжу.

— А что ты о нем думаешь? — спросила она.

Лин Жань напечатал:

— Глупый, но богатый.

Цзян Юэцзяо: — ...

Похоже на правду? Но ведь это описание подходит и к ней самой!

Лин Жань протянул руку и положил единственный элитный питательный пельмень в ее тарелку. Цзян Юэцзяо замерла.

— Ты же восстанавливаешься, тебе нужно лучше питаться, — осторожно сказала она.

Лин Жань зарабатывал на жизнь своим трудом, и лишних денег у него явно не было. Этот пельмень стоил дорого, но он отдал его ей. Она понимала, что это его гордость, и не чувствовала себя неловко — только радость. После всего, что он пережил, после того, как его, талантливого юношу, превратили в изранженного раба, его гордость осталась при нем. Его сточили, лишили когтей, но он остался тем самым человеком, который ей дорог. Несмотря на бури, врагов и шрамы, он шел вперед, не сломленный и не опустившийся. Она любила его — его глаза, его кости, его кровь. Кости — гордые, кровь — горячая.

Поэтому она спросила очень осторожно. Лин Жань это заметил. Она так бережно лечила его тело, будто он был величайшим сокровищем. Он привык к тьме и жестокости, его чувства притупились, но, глядя в ее чистые, искренние глаза, он вновь ощутил тягу к свету.

Лин Жань любил тьму — в ней он мог спрятаться. Сначала — из-за герба расы Дакрис, потом — потому что в бою тьма была лучшим прикрытием. После войны тьма стала его психологическим щитом. В ней не было тех жадных, греховных взглядов работоторговцев. Он любил свет, но, лежа в клетке, лишь изредка ловил лучик звездного сияния, напоминающий о былом величии, когда звезды дрожали у их ног. Звезды — это планеты, а за каждой планетой — дом и семья. Он любил свет, но не хотел стоять под ним. Там слишком ярко, слишком нереально, он чувствовал себя незащищенным. Но если она — этот свет, то он готов выйти из темного угла и ступить на ту землю, где она находится.

Стать сильнее! Только так он получит право стоять рядом с ней.

— Угощаю, нужно заказывать что-то получше.

— Пельмень — это мало.

— В следующий раз будет больше.

Цзян Юэцзяо была тронута. По сценарию она должна была со слезами на глазах смотреть на Лин Жана и с радостью съесть пельмень, потому что это подарок любимого человека. Но она

была честна:

— Знаешь, я не очень люблю пельмени.

Лин Жань посмотрел на нее.

— Это не отговорка, — пояснила она. — Раньше я случайно съела отравленные пельмени и чуть не умерла, поэтому теперь не могу на них смотреть.

Она положила пельмень обратно в его тарелку и с обожанием посмотрела на него:

— Ешь сам. Я буду смотреть, как ты ешь, и мне будет так же приятно, как если бы я съела их сама.

Лин Жань, хоть и скептически отнесся к истории об отравлении дочери маршала, спорить не стал — она не казалась лгуньей. Он послушно съел пельмень.

Цзян Юэцзяо не лгала. Это случилось не в космосе, а на Земле во время апокалипсиса. Она шла с отрядом бродяг через разрушенную школу, где Хань Жан тоже остановился на ночлег. Она видела его со стороны: он сидел в темном классе, в лунном свете его тонкая фигура казалась особенно хрупкой. Она тихонько подкралась к окну, увидела его руки, лежащие на парте, и, решившись, отрезала кусочек своей драгоценной свечи, поставив его на подоконник. Свеча была очень короткой, но этот крошечный теплый свет стал единственным спасением для юноши в его кошмарах.

Позже, в южном городе, они нашли еду — замороженные пельмени. Люди думали, что нашли рай, но это была ловушка. В еду подсыпали яд. Когда начались боли, Цзян Юэцзяо лишь надеялась, что Хань Жан не попадет в эту западню. Очнулась она от запаха жасмина — остатков дорогого целительного средства на губах. Ее спутники погибли, а те, кто устроил ловушку, сами отравились своей же едой. Она бродила по улицам, потеряв Хань Жана, пока однажды, когда на нее напал жук, резкий порыв духовной силы не отбросил его в сторону. Она увидела юношу, прыгнувшего с высоты, и пошла за ним. С тех пор он стал ее опорой.

...Столовая была открыта для всех, и многие студенты приходили сюда ради знаменитых пельменей. Фэн Лин пришла не за едой, а за мужчиной. После недавних событий она не могла найти себе места: что связывает Цзян Юэцзяо и Ло Аньцина?

Она считала, что как сильнейший оператор системы связи на факультете Звездного Зодчества, она — идеальная пара для Ло Аньцина. Она терпеливо выстраивала их отношения, но появление Цзян Юэцзяо разрушило ее планы. От одного новобранца она узнала, что Лин Жань, скорее всего, связал систему с Цзян Юэцзяо. Что ж, это даже лучше — пусть свяжутся окончательно, тогда Цзян Юэцзяо не будет претендовать на Ло Аньцина.

Она выследила Лин Жаня и, к своей радости, увидела у входа Ло Аньцина. Но тот, не обращая ни на кого внимания, направился прямо к столику Цзян Юэцзяо!

Как она смеет? Фэн Лин, одетая в эффектную форму своего факультета, была куда заметнее этой девицы в темной одежде. Но Ло Аньцин посмотрел именно на нее!

Фэн Лин подошла к их столику вместе со своими подругами. Ло Аньцин хотел вынудить Лин Жаня проявить себя — для финала турнира нужны были три командира, и Лин Жань был бы не лишним. Но Фэн Лин решила действовать на опережение.

— Какая встреча, — процедила она, направляя яд на Лин Жаня. — Слышала, ты — никчемный раб из расы Дакрис. Не думала, что можно выживать в лучшей военной школе Альянса за счет женщины. Красивое лицо, жаль, что инвалид.

Она хотела спровоцировать Цзян Юэцзяо. Та подняла голову, и ее взгляд встретился со взглядом Чжу Лин, стоявшей рядом. Брат Чжу Лин стал калекой из-за инцидента с Цзян Юэцзяо, и теперь она жаждала мести.

— Разве не так? — продолжала Фэн Лин. — Даже говорить приходится через женщину. Ой, забыла, он же немой. Я что, ошиблась дверью? Это что, школа для инвалидов?

Ло Аньцин нахмурился. Эта женщина была невыносимо глупа.

Цзян Юэцзяо, чей голос стал ледяным, произнесла:

— Извинись.

Лин Жань поднял на нее глаза.

Он уже привык к подобным словам. Как бы скверно ни выражался Фэн Лин, он произносил это хотя бы в лицо, а за спиной его обсуждали куда больше людей. В те времена, когда он был рабом, ему доводилось слышать оскорбления и похлеще.

Эти словесные клинки давно не могли пробить его броню.

Однако глаза Цзян Юэцзяо были на удивление серьезны, словно она говорила о чем-то невероятно важном.

О том, от чего невозможно отступить ни на шаг.

Заставить тех, кто его унижал, лично принести извинения.

Фэн Лин переспросил:

— Что?

Цзян Юэцзяо глубоко вздохнула, уголки ее губ приподнялись, но в голосе звучала угроза. Она чеканила каждое слово:

— Попроси у него прощения.

Фэн Лин усмехнулся:

— Хорошо придумала. Впрочем, я человек рассудительный.

Она бросила взгляд на Ло Аньцина и добавила:

— Когда откроется система, устроим поединок. Победитель получит право сразиться с Ло Аньцином, как тебе такое? Если я проиграю, то лично извинюсь перед ним.

Ей было достаточно лишь получить этот шанс на бой с Ло Аньцином — цель была бы достигнута.

Что же до Лин Жаня, то его Фэн Лин в расчет вообще не брала.

Чтобы поощрять всестороннее развитие студентов, участвовать в общеуниверситетских боевых турнирах разрешалось даже тем, кто не учился на факультете Военного Командования.

Услышав это предложение, Ло Аньцин, неожиданно ставший ставкой в споре, слегка нахмурился.

Совсем не Фэн Лин был тем, кого он хотел видеть своим противником.

Но стоило Фэн Лин закончить фразу, как Цзян Юэцзяо отрезала:

— По рукам.

Она добавила:

— Если проиграешь ты, то будешь просить прощения у него.

Хань Жан: совершил дело и ушел, не оставив своего имени.

<http://bllate.org/book/21232/2148276>